

Петров Артём Алексеевич

магистрант

ОЧУ ВО «Московский университет

имени А.С. Грибоедова»

г. Москва

DOI 10.31483/r-150951

РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ ФУНКЦИЯ В БАНКРОТНОМ ПРАВЕ:**КОМПАРАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ****ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ США И РОССИИ**

Аннотация: в статье представлен сравнительно-правовой анализ института несостоятельности (банкротства) физических лиц в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки. Исследование раскрывает принципиальные различия в целевых установках и правовых механизмах реализации процедуры несостоятельности (банкротства). В работе рассматриваются ключевые проблемные аспекты, включая критерии выбора процедуры банкротства, обеспечение независимости финансового управляющего, степень судебной проверки обоснованности требований кредиторов, а также уровень развития системы «потребительского надзора» на финансовом рынке. На основе сравнительно-правового анализа формулируются выводы о наличии системных коллизий в отечественном правовом регулировании и предлагаются возможные пути их преодоления с учетом международного опыта.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, несостоятельность, сравнительно-правовой анализ, восстановительная процедура, финансовое оздоровление, потребительское кредитование, правовое регулирование, защита прав должников.

Актуальность исследования института несостоятельности физических лиц обусловлена стремительной динамикой его развития в Российской Федерации на фоне роста потребительского кредитования и просроченной задолженности. В этих условиях повышается значимость восстановительной функции банкрот-

ства, направленной на финансовую и социальную реабилитацию добросовестного должника. Однако действующая правовая модель банкротства, по справедливому замечанию отечественных правоведов, демонстрирует ряд системных противоречий, ограничивающих ее эффективность [1]. В связи с чем сравнительно-правовой анализ с устоявшимися зарубежными «моделями банкротства», в частности с США, где данный институт исторически ориентирован на предоставление должнику «чистого листа», позволяет выявить проблемные зоны отечественного правового регулирования и определить векторы его дальнейшего совершенствования [2].

Назначение института несостоятельности кардинально различается в зависимости от субъекта. Если в отношении юридических лиц доминирует ликвидационная функция, направленная на «очищение рынка» и соразмерное удовлетворение требований кредиторов, то для физических лиц приоритетом является восстановительная функция [3]. Данный институт призван обеспечить финансовую и социальную реабилитацию добросовестного гражданина, попавшего в трудное положение по не зависящим от него обстоятельствам, и создать условия для его возвращения к нормальной жизни.

Термин «злоупотребление кредиторов» раскрывается как применение недобросовестных методов, искажающих принципы ответственного кредитования. К их числу относятся сокрытие истинных условий займа (кредита), включение в кредитный договор (договор займа) обременительных дополнительных услуг, намеренное создание условий для непосильной долговой нагрузки, а также выдача кредитов лицам с очевидно неудовлетворительной платежеспособностью.

В процедуре банкротства физического лица, несмотря на учет интересов кредиторов, ключевой задачей является защита самого должника. Эта идея находит свое последовательное выражение в принципе «fresh start» (новый старт), закрепленном в законодательстве США и нацеленном на предоставление «чистого листа» для новой профессиональной реализации бывшего должника. Отечественное законодательство демонстрирует иную позицию, вводя для банкрота временные ограничения на занятие управленческих позиций и осу-

ществование предпринимательской деятельности [4]. Такой ограничительный подход не всегда представляется обоснованным и может оказывать сдерживающее влияние на экономику, создавая барьеры для реабилитации потенциально активных ее участников [5].

Классификация банкротств физических лиц может быть проведена на основе причин их возникновения. К первой категории относятся банкротства, обусловленные предпринимательской деятельностью, будь то прямые коммерческие операции самого гражданина или его финансовые обязательства, связанные с бизнесом родственников и партнеров, такие как поручительства [6].

Вторая категория охватывает несостоятельность, проистекающую из корпоративных правоотношений. Это касается бывших руководителей и контролирующих должника лиц, понесших субсидиарную ответственность за убытки компании, а также арбитражных управляющих [7].

Наконец, третью категорию образуют потребительские банкротства, вызванные неплатежеспособностью по гражданско-правовым сделкам, прежде всего по потребительским кредитам и ипотеке. Правовая природа требований в рамках данной группы также включает в себя обязательства из причинения вреда, которые в порядке суброгации переходят к страховщикам, приобретая характер финансовой задолженности.

Наибольшую социальную уязвимость демонстрируют граждане, относящиеся к последней категории, поскольку они являются «рядовыми потребителями» и не могут обладать финансовой грамотностью, сопоставимой со знаниями сотрудников профессиональных финансовых организаций [8]. Актуальность данной проблемы подтверждается исследованием Объединенного кредитного бюро за 2023 год, согласно которому количество граждан с просроченной задолженностью свыше года и подлежащих банкротству оценивается примерно в 430 тысяч человек, в то время как фактически было завершено лишь около 70 тысяч дел о банкротстве физических лиц за первое полугодие 2024 года [9].

Динамика банкротств физических лиц и индивидуальных предпринимателей в России демонстрирует устойчивый рост. По данным Единого федерального реестра сведений о банкротстве (Федресурс), в 2023 году было завершено свыше 154 тысяч дел о банкротстве граждан и ИП, что более чем в три раза превышает показатели 2019 года и подтверждает долгосрочную восходящую тенденцию [10].

Остроту проблемы подтверждает стремительный рост просроченной задолженности, особенно по необеспеченным потребительским кредитам [11]. Реакцией законодателя на распространение недобросовестных практик в сфере кредитования и «коллекшинга» стало последовательное совершенствование отечественного законодательства. Эволюция регулирования, выраженная в принятии специализированных законов (таких как Федеральный закон №230-ФЗ) и внесении изменений в законодательство о потребительском кредите, служит индикатором наличия и масштаба данных злоупотреблений [12; 13].

Формирование системы «потребительского надзора» за финансовыми институтами в США было инициировано в середине XX века как ответ на стремительную экспансию потребительского кредитования и сопутствующий рост банкротств граждан. Ключевой задачей на начальном этапе стало преодоление информационной асимметрии между кредиторами и заемщиками. Решающим шагом в ее решении стало принятие Федерального закона о достоверности кредитования (Truth in Lending Act), который заложил основы стандартизированного раскрытия условий кредита, тем самым обеспечив потребителей возможностью для осознанного выбора [14; 15].

Институт банкротства физических лиц в США, основанный на Законе о реформе 1978 года и его последующих поправках (вплоть до ключевых изменений 2005 года), претерпел значительную эволюцию, будучи в итоге помещенным в Кодекс о банкротстве. Основной тенденцией развития стало ужесточение процедур для пресечения злоупотреблений и усиление защиты потребителей.

Достижению этих целей способствует комплексная система надзора, в рамках которой суды и уполномоченные органы проверяют добросовестность дей-

ствий как должников, так и кредиторов. Данный контроль распространяется на этап выдачи кредита, включая оценку обоснованности его предоставления конкретному заемщику. Дисциплинирующим механизмом для финансовых институтов выступают значительные штрафы, средства от которых направляются на программы финансового просвещения, создавая тем самым превентивный эффект.

Важной процессуальной гарантией, направленной на досудебное разрешение долгового кризиса, является институт обязательных консультаций и альтернативного погашения [16]. Перед подачей заявления о банкротстве гражданин обязан пройти курс по финансовой грамотности и получить консультацию в специализированном Агентстве по бюджетированию и кредитному консультированию [17]. Параллельно этому законодатель возлагает на кредитора обязанность рассмотреть разумный график реструктуризации долга, так называемый «альтернативный график», который должен быть предложен ему не позднее чем за 60 дней до обращения в суд. Данный график, разрабатываемый агентством, предполагает погашение не менее 60% от первоначальной суммы долга. В случае необоснованного отказа кредитора от рассмотрения данного плана суд, рассматривающий дело о банкротстве, правомочен уменьшить общую сумму его требований к должнику, но не более чем на 20% [18]. Таким образом, американская модель создает стимулы для обеих сторон к достижению досудебного соглашения.

В Российской Федерации система «потребительского надзора» на финансовом рынке находится на стадии становления, что обусловлено относительной новизной профильного законодательства. Одним из значимых шагов в этом направлении стало присоединение Банка России в 2017 году к Международной организации по защите прав потребителей финансовых услуг (FinCoNet). В рамках формирующейся политики Банк России предлагает меры, направленные на повышение прозрачности, такие как публикация жалоб потребителей и составление рейтингов финансовых организаций на их основе. Однако ключевой недостаток данного подхода видится в отсутствии действенных материальных санкций (например, существенных штрафов или лишения лицензий) за систе-

матические нарушения, что, безусловно, ограничивает реальную эффективность надзора [19].

В условиях несформировавшейся системы защиты прав потребителей финансовых услуг российские суды при рассмотрении дел о банкротстве физических лиц зачастую ограничиваются установлением формальных признаков несостоятельности: наличия задолженности в определенной сумме и трехмесячной просрочки по ее уплате. Более глубокая проверка обоснованности требований кредитора, по существу, проводится преимущественно в случаях, когда имеются признаки мнимого банкротства, направленного на незаконное извлечение выгоды должником и кредитором.

Яркой иллюстрацией выхода за рамки формального подхода служит Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2016 №305-ЭС16–12960 по делу №А40–192008/2015 [20]. В данном деле Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации указала, что даже признание должником наличия долга и факта неплатежа само по себе недостаточно для введения процедуры банкротства. Суд установил необходимость проверки добросовестности кредитора и реального характера задолженности, что стало важным прецедентом для противодействия злоупотреблениям в данной сфере.

Ключевым требованием к процедуре банкротства является обеспечение независимости финансового управляющего. В российской модели данный вопрос разрешается через выбор саморегулируемой организации (СРО), из числа членов которой суд утверждает конкретную кандидатуру арбитражного управляющего. В отличие от этого, в США проблема независимости и потенциальной конфликтности интересов нивелируется за счет применения автоматизированной электронной системы случайного распределения дел. В рамках данной системы федеральный управляющий, назначенный таким образом, по запросу суда подбирает кандидатуру доверительного управляющего (трасти), который в дальнейшем ведет процедуру в отношении должника на основании соглашения.

Не менее острой проблемой также является влияние имущественного положения должника на выбор процедуры при возбуждении дела о банкротстве. В соответствии с пунктом 2 статьи 213.6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», при признании заявления обоснованным суд по общему правилу вводит процедуру реструктуризации долгов. Исключение предусмотрено пунктом 8 статьи 213.13 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», согласно которому суд может сразу ввести процедуру реализации имущества по ходатайству должника, если отсутствует источник дохода, необходимый для исполнения плана реструктуризации [21].

Принципиальное отличие американского подхода заключается в предоставлении должнику самостоятельности в выборе процедуры банкротства на стадии подачи заявления [22]. Гражданин может инициировать дело либо в порядке главы 7 Кодекса о банкротстве («Liquidation», аналог реализации имущества), либо главы 13 («Adjustment of debts of an individual with regular income», аналог реструктуризации долгов) [23]. Однако данный выбор не является произвольным и жестко обусловлен материальным положением должника через систему формализованных критериев [24].

Ключевым пороговым значением выступает медианный доход домохозяйства в конкретном штате, рассчитываемый Бюро переписи населения США. Если ежемесячный доход должника ниже данной медианы, он вправе подать заявление по главе 7 Кодекса о банкротстве. Отсутствие регулярного дохода вообще делает недоступной процедуру реструктуризации по главе 13 Кодекса о банкротстве. В случае же превышения медианного дохода применяется специальный «Тест платежеспособности» (Means Test), который анализирует структуру доходов и разрешенных расходов гражданина [25]. На основании этого расчета делается вывод о возможности списания долгов в упрощенном порядке банкротства или о необходимости утверждения плана реструктуризации.

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет констатировать наличие системных различий в подходах к банкротству физических лиц в Российской Федерации и Соединенных Штатах Америки. Российская модель,

сохраняя ярко выраженный ограничительный характер, демонстрирует недостаточную ориентацию на реабилитационную функцию [26]. В отличие от этого, американская система, базирующаяся на принципе «нового начала» (fresh start), реализует комплексный восстановительный подход через формализованные критерии доступа к процедурам, институт обязательного досудебного урегулирования и действенные механизмы контроля за добросовестностью всех участников процесса [27].

Ключевой проблемой отечественного правоприменения остается формализм судебного контроля, ограничивающийся в большинстве случаев установлением факта задолженности и просрочки [28]. Незрелость системы «потребительского надзора», опирающейся преимущественно на инструменты мягкого регулирования без действенных материальных санкций, не способствует обеспечению баланса интересов и снижению уровня злоупотреблений на финансовом рынке [29].

Резюмируя изложенное, отметим, что для повышения эффективности института банкротства физических лиц в России представляется необходимым заимствование ряда прогрессивных элементов из зарубежного опыта, в частности, внедрение объективных критериев для выбора процедуры, аналогичных «тесту неплатежеспособности» (means test), и развитие превентивных механизмов, стимулирующих досудебное урегулирование долгового кризиса.

Список литературы

1. Ланг П.П. Аксиологические начала права / П.П. Ланг // Российская юстиция. – 2018. – №8. – С. 2–4. EDN XUXMCL
2. Ланг П.П. Правовые ценности и цифровые технологии: проблема паритета / П.П. Ланг // Юридическая наука. – 2021. – №2. – С. 64–69. EDN GUUCMR
3. Правотворчество: аксиологические основания и стратегические приоритеты / И.С. Барзилова, М.А. Беляев, А.А. Головина [и др.]. – М.: Русайнс, 2024. – 298 с. EDN TXYKAR

4. Ланг П.П. Институт несостоятельности (банкротства) самостоятельная процедура юридического процесса / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2013. – №55. – С. 43–47. EDN QINWAP
5. Право на жизнь, здоровье, собственность: коллективная монография / Л.А. Андреева, В.В. Батин, К.В. Дядюн [и др.]. – Новосибирск: НП «СибАК», 2013. – 160 с. EDN TZNUDT
6. Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания / П.П. Ланг. – Самара: Полиграфическое объединение «Стандарт», 2021. – 372 с. EDN IFVNSI
7. Ланг П.П. Состязательность и злоупотребление процессуальным правом в арбитражном процессе: корреляционная связь / П.П. Ланг // Вопросы экономики и права. – 2022. – №169. – С. 14–21. EDN ZYIKOZ
8. Peculiarities of protecting the rights of participants of financial markets in court / G.E. Ageeva, P.P. Lang, A.V. Loshkarev [etc.] // The Future of the Global Financial System: Downfall or Harmony. – Cham: Springer Nature, 2019. – P. 545–552. DOI 10.1007/978-3-030-00102-5_57. EDN YUFZUQ
9. В 2018 году должники стали в 1,5 раза чаще пользоваться процедурой банкротства Пресс-Релиз от 21.01.2019 // Объединенное Кредитное Бюро и «Федресурс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bki-okb.ru/corp/analitika/v2018-g-dolzhniki-stali-v-15-raza-chashche-polzovatsya-proceduroy-bankrotstva> (дата обращения: 16.10.2025).
10. Черных Л.А. Оценка уязвимости банковского сектора России при становлении института банкротства физических лиц / Л.А. Черных // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2016. – №1(17). – С. 181.
11. Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 №353-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Российская газета. – 2013. – №289.

12. Федеральный закон «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» от 03.07.2016 №230-ФЗ (ред. 12.11.2018) // Российская газета. – 2016. – №146.

13. Постановление Правительства Российской Федерации «О дальнейшей реализации программы помощи отдельным категориям заемщиков по ипотечным жилищным кредитам (займам), оказавшихся в сложной финансовой ситуации» от 11.08.2017 №961 // Российская газета. – 2017. – №182.

14. Mirea M. Concrete Aspects Regarding the Imputation of Current Tax Receivables in Insolvency Proceedings / M. Mirea, C. Stroie // Ovidius University Annals: Economic Sciences Series. – Ovidius University Press, 2016. – P. 556.

15. Fierbinteanu G. Amending Regulation (EC) No.1346/2000 on Insolvency Proceedings – Solving Deficiencies or Attempt to Rescue Companies in Difficulty? / G. Fierbinteanu // Challenges of the Knowledge Society. – Nicolae Titulescu University Publishing House, 2013. – P. 252–253.

16. Ланг П.П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания: дисс. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – 2022. – 502 с.

17. Sitaru D.-A. Considerations Regarding the On-going Contracts after the Insolvency Procedure Has Been Instituted / D.-A. Sitaru // Challenges of the Knowledge Society. – Nicolae Titulescu University Publishing House, 2015. – P. 284.

18. Stefanita S. Scoring Assessment and Forecasting Models Bankruptcy Risk of Companies / S. Stefanita // Annals of the University of Oradea: Economic Science. – University of Oradea, 2014. – P. 681.

19. Сайт Центрального Банка Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/today/pk_18642/szpfu/ (дата обращения: 16.10.2025).

20. Определение Верховного Суда РФ от 15.12.2016 года №305-ЭС 16–12960 // Справочно-правовая система КонсультантПлюс.

21. Ланг П.П. Экономическое правосудие в России: традиции и перспективы / П.П. Ланг // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2025. – №3. – С. 52–61. DOI 10.46279/ASMO.2025.79.40.004. EDN XSENEA
22. Процессуальное право: общее и частное: учебное пособие / П.П. Ланг, О.С. Скачкова, Е.Н. Чуракова [и др.]. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. – 184 с. EDN JYMUWQ
23. Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» от 24.12.1997 №13-ФЗ (ред. от 29.07.2018) // Российская газета. – 1997. – №210.
24. Публичная власть: соотношение судебных и внесудебных способов защиты права / С.Ф. Афанасьев, Е.В. Богатова, В.Е. Бондаренко [и др.]. – М.: Институт государства и права РАН, 2024. EDN OUESNO
25. Агеева Г.Е. Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел в судах / Г.Е. Агеева, Э.Х. Губайдуллина, П.П. Ланг. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2018. – 216 с. EDN YSJIYX
26. Churakova E.N. E-Money as a Financial Instrument in Globalized Economy: Russian Legislation Experience / E.N. Churakova, P.P. Lang // Economic Systems in the New Era: Stable Systems in an Unstable World. – Cham: Springer Nature, 2021. – P. 815–821. DOI 10.1007/978-3-030-60929-0_105. EDN IMNJUX
27. Институты защиты интересов государства в сфере гражданской юрисдикции / Е.В. Михайлова, И.И. Бутрим, К.А. Корсик [и др.]. – М.: Институт государства и права РАН, 2024. – 639 с. EDN YHITSV
28. Hetes-Gavra R. Personal Bankruptcy Regulations in Central and Eastern Europe / R. Hetes-Gavra // Ovidius University Annals: Economic Sciences Series. – Ovidius University of Constanta, 2016. – P. 543.
29. Ланг П.П. Производство по делам о банкротстве: современные тенденции и перспективы / П.П. Ланг // Вестник гражданского процесса. – 2025. – Т. 15. №1. – С. 264–275. DOI 10.24031/2226-0781-2025-15-1-264-275. EDN HBLYYF